

Ю. В. Линник

Доктор философских наук, профессор Петрозаводского педагогического университета.

Восток-Запад: культура и цивилизация. Материалы международного музыковедческого семинара и научно-практической конференции 2003 г. – Одесса: Астропринт, 2004. – С. 27- 44.

А. Н. СКРЯБИН: провозвестие преображения

Александр Николаевич Скрябин - не только философ, но и практик Преображения: он предлагал вполне конкретный путь для того, чтобы время перешло в вечность, знаменуя обретение миром чаемого Всеединства. Это орфический путь: исполнение задуманной Скрябиным "Мистерии" - вероятно, не только обитателями Земли, но всем сонмом космических цивилизаций - должно поднять мир на вершину экстаза, являющуюся своего рода экстремумом: здесь, на этом эмоциональном и одновременно онтологическом пределе, множественность проявленного бытия снова сольётся в Одно. И это Одно есть Бог, который, по сути, воскрешается "Мистерией". Значит, сейчас мир живет без Бога? Скрябин говорит: Творец умер в своем творении. Поэтому Преображение мира станет, прежде всего, новым обретением Бога. И себя в нем: "Мистерия" раскроет не просто богоподобие, а богоравенство человека.

Радикальная установка! Конечно, Скрябина можно назвать носителем космического сознания, причём в его крайней, граничащей с безумием форме. Однако будем помнить о том, что Скрябин - великий мифотворец: своё видение будущего - несомненно, пророческое, визионерское - он преломил в призме мифа. Главное свойство этой призмы заключается в том, что информация, проходящая через неё, приобретает символический вид. Вот почему эту информацию нельзя понимать буквально, без поправок на законы мифопоэтического восприятия. Сделав такие поправки, мы выявляем в орфической утопии Скрябина очень смелые, но вполне конструктивные моменты:

1) искусство способно преображать мир;

2) эта его [искусства] способность обусловлена тем, что оно обладает активностью, повышающей организованность мира; энтропийной тенденции падения оно противопоставляет антиэнтропийную тенденцию подъёма;

3) пик подъёма - экстаз: стремительное достижение такого уровня, где энтропия, задающая "стрелу времени", падает до нуля и это предопределяет остановку времени, его претворение в вечность;

4) если мы вспомним, что у Скрябина психология и космология переходят друг в друга, то надо будет признать, что экстаз для него не только субъективное переживание, но состояние всего мира: означая буквально "выход из себя", "перерастание себя", экстаз выводит Вселенную за границы пространства-времени, как бы выворачивает её наизнанку, подвергая разнообразным инверсиям (Многое обращается в Одно; плотное становится бесплотным; движение сменяется покоем и т.д.);

5) все эти инверсий-алгоритмы Преображения. Сегодня мы знаем, что они начинают действовать в тот момент, когда материя пересекает эйнштейновский барьер скорости: физика тахионов, сверхсветовых частиц имеет много удивительных параллелей с метафизикой Преображения. Вечность ныне может быть понята в очень точной, количественной форме: для выхода на её уровень нужна бесконечная скорость, парадоксально равнозначная абсолютному покою; экстаз знает свои градации и вот его высшая ступень: полет души с бесконечной скоростью.

Для творчества А. Н. Скрябина характерны два типа интуиции:

1) это световые или огненные интуиции, лежащие в основе музыкальной космологии мастера;

2) и это своеобразная интуиция ускорения, которое одновременно переживается и душой, и миром, разгон звуковых масс, их отрыв от земной поверхности и невесомое парение. Б.Л. Пастернак вспоминает, как Скрябин любил разбежаться по садовой дорожке, дабы продолжить бег по инерции - так композитор имитировал победу над гравитацией, которую несет Преображение; вместе с ним эту победу торжествовала материя.

Слушая Третью симфонию или "Поэму экстаза", хорошо думать о модели расширяющейся Вселенной - точнее, вживаться в эту модель: экспрессия поступательного нарастания захватывает, увлекает и ты видишь, как раздвигается космологический горизонт, устремляя тебя к световому рубежу. Расширение сопровождается подъемом: чем шире горизонт, тем выше твоя точка зрения, охват бытия приближается к полноте Всевмещения. На высших нотах ты чувствуешь, что сливаешься с бесконечностью: скорость разбега музыкальных масс принимает инфинитное значение и в этот момент экстаз достигает своей кульминации.

Пусть наше восприятие скрябинской музыки субъективно. Но вот объективный факт: космологические идеи Скрябина глубоко созвучны новейшим представлениям, тут имеются интереснейшие аналогии. Попробуем наметить их.

Вот сценарий эволюции Вселенной по Скрябину:

1. Мир начинает развиваться из некоего центра. Он, естественно, ассоциируется с сингулярностью.

*"От центра, вечно от центра
К свободе,
К сознанию"¹.*

2. Центр для Скрябина - средоточие Единого; пусть в чисто физической плоскости, но абсолютное единство действительно реализуется на уровне сингулярности, которая является своего рода центром нашего мира. Все взаимодействия там выступают как некая Суперсила-Единое поле; отсутствуют какие-либо дифференциации в структуре вещества, ему присуща безусловная однородность. Вот слова Скрябина, записанные в 1904-1905 гг. накануне создания специальной теории относительности, они глубоко созвучны тем космологическим моделям, которые будут созданы на основе идей Эйнштейна уже после смерти Скрябина в двадцатые годы: "Единое центр вселенной и множество вселенная. Открылись бездны времени. Рассыпались звёзды в бесконечном пространстве. Разлился огонь моих стремлений"². Вселенная здесь создается во времени вместе со временем; она нестационарна, раздвигается вовне: экспансия вещества ("рассыпание звёзд") коррелирует с ростом духа (усиливается "огонь стремлений").

3. Единое, по определению, и гармонично, и равновесно. Почему изначальное равновесие оказывается поколебленным? На этот главный вопрос современной космологии можно ответить словами А. Н. Скрябина: "Порыв нарушает божественную гармонию"³. Сегодня мы говорим со все большей уверенностью: Вселенная возникает в результате спонтанного нарушения симметрии вакуума, ее порождает некий таинственный всплеск, колебание. Созвучие со взглядами Скрябина очевидно! Внезапная флуктуация - это и есть порыв: самопроизвольный, непредсказуемый. Возможно, что он случаен по своей природе, но нельзя исключить и того, что за ним стоит разумная воля.

4. Каков финал космической эволюции? Ныне обсуждаются три возможности: расширение сменяется сжатием, Вселенная становится стационарной, расширение продолжается бесконечно. Первая возможность положена в основу модели пульсирующей Вселенной, она имеет большое сходство как с древнеиндийскими представлениями, так и с космологией Е.П. Блаватской: Манвантара (фаза проявления) и Пралая (фаза растворения) ритмично сменяют друг друга. Такой циклизм не устраивал А.И. Скрябина. Еще более чуждой его философии активизма была застывшая, как бы окостеневшая Вселенная. Однако и бесконечное расширение не могло импонировать Скрябину: как носитель эсхатологического сознания он ждал конца мира, перерыва, разрыва космического процесса. У этого процесса есть некоторый предел, критическая черта: за нею небывалое, качественно новое. Это - Преображение, это - вечность. "Мистерия" как раз и ставится на великом онтологическом порубежье.

Совмещая современные представления со взглядами Скрябина, мы вправе сказать, что в судьбах Вселенной просматривается еще и четвертая возможность: расширение до определённой границы и качественные преобразования, происходящие во время ее пересечения. Ныне эта граница маркируется очень точно - это скорость света; впервые ее Метафизический смысл выявлен П. А. Флоренским (1922) и А. Ф. Лосевым (1927). Итак, расширение, но до порогового значения: с переходом через него связано радикальное изменение всей природы бытия.

Вот еще один вариант космогенеза по Скрябину:

"О, Ничто Блаженство.

1. Я хочу (до Хаоса).

2. Я различаю неопределенно.

3. Я различаю. Начинаю распределять элементы (время и пространство) и будущее вселенной.

4. Я возношусь на вершины и познаю всё единым (испытываю).

О, Блаженство Ничто"⁴.

Ничто порыв, воля к бытию, начальная неопределенность, дифференциация, оформление космоса, подъём на высшую ступень организованности, обретение единства - вот основные вехи мирового процесса.

¹ Русские пропилеи: Т.6. - М., 1919, - С. 142.

² Там же. - С. 151.

³ Цит. по: Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - Б., 1923. - С. 215.

⁴ Там же. - С.211.

Может показаться, что он замкнут в циклическое кольцо: Ничто является у Скрябина и альфой, и омегой. Однако о круговороте в его космологии говорить не приходится. Ничто в начале и Ничто в конце: между ними нельзя ставить знак равенства. Это разные Ничто: первое тождественно безличному Единому, второе равнозначно эволюционно новой форме Единого, где все личные "я" находят свой высший синтез в Боге. А. Н. Скрябин всегда ставил знак диалектического равенства между Ничто и Всё. Но лишь во втором случае это равенство как бы актуализируется: теперь за ним стоит не потенциальная возможность, а реальный опыт мировой эволюции. Возвращение в лоно Ничто, имея вид смерти и катастрофы, является залогом нового подъёма. Причём это будет подъём на трансцендентный уровень, когда человек "проснётся в небе", в том новом небе, о котором пророчествует Апокалипсис⁵.

А. Н. Скрябин был большим поклонником теософской доктрины Е.П. Блаватской. Однако именно в вопросах космологии они существенно разошлись друг с другом. Тут столкнулись два образа мира: у Блаватской ему присуща повторяемость (манвантары многократны), Скрябин видит его в ореоле неповторимости (Преображение однократно, уникально). Эти расхождения глубоко разобраны в блестящей книге Б. Ф. Шлёцера. Автор делает акцент на максимализме А.Н. Скрябина: космический экстаз у него - финал всей манвантары, а не только апофеоз пятой, ещё далеко не последней расы. Этот финал абсолютен! Ничто частичное, преходящее не может удовлетворить А.Н. Скрябина. Вот почему он отверг циклизм Е.П. Блаватской, ведь в сценарии осциллирующей Вселенной "Мистерия" не может быть завершительным событием. И это в значительной степени обесценило бы скрябинский замысел.

Если космологию Е.П. Блаватской перевести на современный язык, то конец манвантары можно уподобить коллапсу. Это возвращение в безличное Единое. Ныряя в точечный омут сингулярности, мир утрачивает всё индивидуальное, неповторимое. Не может быть и речи о сохранении "я"! Оно стирается безвозвратно. И это вполне отвечает индуистской установке на анонимность: личное тут не имеет ценности, изживание, преодоление его ставится в заслугу.

Коллапс - это падение: вещество падает в люк мирового нуля. Тогда как Скрябин постоянно говорит о подъёме! Причём у этого подъёма есть верхняя планка: преодолев её, мы оказываемся в соответствии с пророчеством Иоанна Богослова, "на новой земле, под новыми небесами". За разными векторами стоят разные системы ценностей. А. Н. Скрябин убеждён: вернувшись к Единому, личность в нем сохранит себя. Преображение не есть обезличивание. Л. Сабанеев в своих воспоминаниях приводит такие слова А.Н. Скрябина: "...надо собрать личность воедино - в этом и задача, в этом и назначение искусства. Получится единая соборная личность"⁶. Здесь композитор говорит в терминах русской философии. Ещё Б.Ф. Шлёцер указывал на определенную созвучность между А.Н. Скрябиным и С.Л.Франком - пусть цитата из "Непостижимого" подтвердит это тонкое наблюдение: "Восточное, индусское решение: заменить мою самость безразличной всеобщностью... в истинном всеединстве должно было бы быть сохранено именно всё - и в том числе, следовательно, и в первую очередь, и наше собственное самобытие, во всей его полноте и метафизической глубине"⁷. Истинное всеединство соборно по своему духу; это значит, что личность вовсе не исчезает в нём, скорее наоборот: лишь в соборном контексте она получит возможность полностью раскрыть себя. И через это раскрытие утвердить своё тождество с Богом.

Как видим, и эсхатология Скрябина, и его понимание личностного начала кардинально отличаются от теософской модели, - Скрябин в этих проблемах ближе к традициям русской идеалистической философии. Однако это не умаляет значения "Тайной доктрины" Е.П. Блаватской для духовных исканий А.Н. Скрябина.

Что лежит в основе мирового процесса? Активность творческого "я": философия А.Н. Скрябина - это крайне своеобразная форма солипсизма. Причём очень важно подчеркнуть, что этот солипсизм проходит через разные фазы от почти экстремистской до вполне умеренной.

Вот как об этой эволюции говорит сам А.Н. Скрябин: "Я раньше думал, когда был вроде нищезанца, что я один всё сделаю, что это моя личность всё свершит. Но ведь моя личность отражена в миллионах иных личностей, как солнце в брызгах воды..."⁸.

⁵ Там же. - С. 293.

⁶ Л. Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. - М., 1925 - С. 288.

⁷ С. Л. Франк. Непостижимое. - Париж, 1939. - С.210.

⁸ Л. Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. - М., 1925. - С. 288.

На первых порах солипсизм Скрябина близок к классическому берклианству. По свидетельствам современников, композитор охотно цитировал знаменитую формулу Беркли: "Существовать значит быть воспринимаемым". Восприятие для А. Н. Скрябина созидающий акт. В его основе лежит различение, дифференциация; психологические процессы обретают здесь творческий смысл. Солипсистские заявления Скрябина носят радикальный характер: "Итак, мир есть результат моей деятельности, моего творчества, моего хотения"⁹. Или ещё: "мир есть активность моего сознания"¹⁰. Это созвучно не только Беркли, но и философам-махистам, современникам Скрябина: он читал их труды. Однако крайности солипсизма у композитора в значительной степени смягчены тем обстоятельством, что рядом с эпатирующими заявлениями о "я", творящем мир, почти всегда соседствует ключевое, многое объясняющее слово - игра.

Анализируя философию А.Н. Скрябина, И.И. Лапшин настоятельно подчеркивал: речь в данном случае должна идти не о "метафизическом солипсизме", а "о солипсизме настроения": вдохновенное "я" композитора творит "миры эстетической видимости"¹¹. В контексте этих рассуждений можно говорить об игровом солипсизме композитора. Но игра тем и прекрасна, что не признает никакого рационального контроля: она самозабвенна; вовлечённый в неё ничего не хочет знать про условность её правил. Иначе это будет не игра, а самообман или самоослепление, что никак не относится к Скрябину. Он играл как Бог. Ему не нравилась "игра без партнеров"¹², и в качестве партнера он выбрал Творца. Игра шла на равных.

А.Н. Скрябин был знаком с парадоксальной, ошеломительной для обыденного сознания диалектикой апофатического богословия. Правда, его апофатика тоже принимала игровую форму, и тогда контрастирующие утверждения "Я - Всё" и "Я - Ничто" сплетались в эстетически значимом контрапункте.

Но всё же, что стоит за апофатическим самоотрицанием композитора? Как он понимает природу Ничто, с которым себя отождествляет?

Здесь А.Н. Скрябин рассуждает в духе платоновской диалектики: "Если бы что-нибудь было только одно, оно было бы ничем"¹³. Лишь в сопряжении со множеством Единое обретает бытийный смысл. Иначе оно небытие. Это открыла и восточная мысль, безоглядно устремившись к всерастворению, к нирване: слияние с единым для неё равно отказу от себя и мира, она жаждет абсолютного забвения. Однако эллинскую мысль миновал этот соблазн! Поставив вопрос о диалектике единого и многого, она убедительно раскрыла числовой алгоритм мирового процесса: переход от единицы к двоиче и так далее. А.Н. Скрябин близок этой традиции. Тем не менее он иногда задумывался совсем в духе С.Л. Франка о глубинном единстве, взятом безотносительно ко множеству. Понятие пралайи, введенное в словарь композитора Е.П. Блаватской, тогда оказывалось в центре его внимания. Вот как об этом свержединстве пишет Б.Ф. Шлёцер: "Бытие в пралайе есть единство единства и множества"¹⁴. Бытие, но не небытие! Тогда онтологическое Ничто является лишь его эпифеноменом. Но что в таком случае будет сущностью? Вероятно, Бог: в его глубинном бытии-в-себе - вне всяких внешних манифестаций.

Однако именно манифестация Бога прежде всего волновала Скрябина-художника. И это понятно: человек повышенных эстетических потребностей, он не мог найти гармонию в сверх едином - эта гармония реализуется лишь во взаимодействии единого и многого. То есть на уровне проявленного бытия, где становятся возможными разные формы художества. Но как быть тогда с главным замыслом "Мистерии" вернуть мир в лоно единого? Тут действительно есть противоречие.

Б. Ф. Шлёцер считает, что Скрябин его разрешает как художник-диалектик: во время эволюции, когда стремительно растёт разнообразие, искусство поддерживает память единства и наоборот: в период инволюции, при сворачивании разнообразия, оно не даёт ему превратиться в безличную однородность¹⁵.

⁹ Русские пропилеи: Т.6. - М., 1919. - С. 133

¹⁰ Там же. - С. 177.

¹¹ И. И. Лапшин. Последние думы Скрябина. - П., 1922. - С. 21-22.

¹² Русские пропилеи. - С. 166.

¹³ Там же. - С. 149.

¹⁴ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 213.

¹⁵ Там же. - С. 276-277.

Мысли Б.Ф.Шлёцера можно переформулировать следующим образом: искусство утверждает гармонию нераздельного (ценность единства) и неслиянного (ценность разнообразия), именно эту гармонию, а не состояние пралайи, должна была утвердить "Мистерия".

Ничто превращается во Всё.

И эта величайшая из всех метаморфоз сопровождается величайшей жертвой: умирает как бы при родах космоса Бог. Пусть он потом, со смертью человека, воскреснет в "Мистерии", но вот что мы имеем на настоящий момент: в космосе А.Н. Скрябина нет Бога. Потому ли человек здесь не чувствует над собой недремлющего ока? И потому ли в его свободу порой входит демонический искусы?

Однако смерть Бога не является абсолютной. Это скорее своеобразная дисперсия: великое «Я» рассеивается в мириадах малых "я", и каждое, в принципе, может претендовать на свою самостождественность с Богом. Как личное сознание взаимодействует с транскосмическим Сверхсознанием? Поставив этот вопрос, А.Н. Скрябин как бы объективирует или онтологизирует свой солипсизм: если в художнике живет Бог, то его проективное мышление реально творит миры.

Бог мыслит мирами.

В этой средневековой формуле кредо космического солипсизма: мир есть представление Бога. Пусть материализованное представление. Но если вспомнить философию индуизма, которая учит о том, что материя - всего лишь миражная майя, то мир и впрямь может быть понят как комбинация божественных ощущений. Креационизм неявным образом содержит в себе солипсизм. Как же иначе? Ведь Бог творит мир из Ничто, которое есть часть его самого. Причем весьма существенная часть: это мысль Бога, сама по себе не имеющая никаких физических проявлений, являющаяся ничем. Как и наше сознание, для любых приборов оно пустота, ничто. Это основание веры.

Убеждение в том, что мир - порождение божественной мысли. Раскрывая заложенное в нем богоподобие, человек учится творить миры силой своего воления: берклианский солипсизм на этой стадии хорошая школа.

Почему Ничто захотело превратиться в Нечто?

Отвечая на этот вопрос, А. Н. Скрябин выводит одну из самых прекрасных формул мировой философии: "Бытие любит быть"¹⁶. Жажда проявления, самоосуществления! Именно порывом к бытию колеблется равновесие мирового вакуума. По всей вероятности, А. Н. Скрябин не читал Анри Бергсона, однако учение французского мыслителя о "жизненном порыве" наверняка нашло бы у него отклик. "Порыв" - это важнейшая категория скрябинской философии, выражение ее творческой импульсивности, внутренней неравновесности. Порыв всегда асимметричен, поэтому он не вписывается в эстетику классицизма: это явление романтического характера. Философия порыва обнаруживает близость своего создателя к мироощущению романтизма с его тягой к иррегулярному, к иррациональному. Как известно, романтизм осуществил ценностную реабилитацию хаоса, увидев в нем лоно творческих возможностей, в свете этого нетривиального подхода становится понятным заявление Скрябина: "Я хаос"¹⁷.

Б.Ф. Шлёцер считает, что понятие "хаос" стоит у А.Н. Скрябина в следующем синонимическом ряду: "ничто, безразличие, блаженство, бессознательное, единство, Бог, Пралайя"¹⁸. Поразительно смелые, часто антиномические по своему духу сближения! Естественно, что они ставят много вопросов, ответы на которые могут составить отдельное исследование. Здесь мы будем предельно кратки. Почему хаос у Скрябина связан с блаженством? Уместно вспомнить, что в культуре существует своеобразный феномен хаософилии - любви к хаосу, тяги к хаосу; это влечение, к примеру, ощущал Ф. И. Тютчев, любимый поэт Скрябина: хаос для него "родимый". Как хаософилия соотносится с танатофилией? Со стремлением к нирване? Эта проблематика весьма интересна для психоаналитического рассмотрения.

Семантика понятия "хаос" является предельно глубокой, многослойной. Это не только "беспорядок" или "смешение", прежде всего, в полном соответствии с этимологией, это "зияние бездны": нечто первичное, изначальное, неопределенное. И еще довременное: то, что предшествует всякой длительности, всякой размеренности. Такова сингулярность. Что было раньше её? Вопрос некорректен, ибо время возникает вместе со Вселенной, - раньше было Ничто.

¹⁶ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 213.

¹⁷ Там же. - С. 138.

¹⁸ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 212.

Или Бог, в парадоксальной оптике сингулярности порой угадывается его лик. Поскольку сингулярность - квантовый объект, то к ней применимо соотношение неопределённостей В. Гейзенберга: это делает лик Бога колеблющимся, зыблущимся. Именно таким увидел его А.Н. Скрябин, бесстрашно поведав о своем опыте.

Композитора глубоко волновала тайна времени. Отношение его к этой проблеме было переменчивым и противоречивым. А. Н. Скрябин чувствовал: бесконечная длительность времени не согласуется с пафосом солипсизма или сознание сразу творит не только настоящее, но также прошлое и будущее? Попытки разрешить это противоречие в их эволюции хорошо прослеживаются по дневникам композитора. Вот запись 1904 г.:

"Нельзя считать, что было время, когда времени не было, и наступил момент, в который я его создал. Я создаю пространство и время тем, что я различаю"¹⁹. Далее Скрябин утверждает, что с прекращением различия пространство и время уничтожаются, проблема здесь переводится в психологическую плоскость. Мир безначален и бесконечен во времени? Поначалу Скрябин положительно отвечает на этот вопрос. Однако развивающийся замысел "Мистерии" требует финитного решения проблемы. И Скрябин радикально меняет свои взгляды, делая два вывода:

- времени не было в первоначальном состоянии пралайи;
- и времени не будет после того, как мир переживёт свой последний самый полный и необратимый экстаз.

Б.Ф. Шлёцер приводит следующее высказывание А.Н. Скрябина: "Момент экстаза перестанет быть моментом (времени). Он поглотит всё время. Этот момент есть абсолютное бытие"²⁰. Экстаз для Скрябина категория не только психологическая, но и космологическая: это предел, за которым кончается время. Экстаз антиномичен: с одной стороны, он "...есть абсолютное бытие", с другой стороны, может рассматриваться как "возвращение к небытию"²¹. Но в небытии таится Бог! А он есть сверх бытие, пакибытие. Амплитуда антиномических колебаний объемлет у Скрябина крайние полюса; его предельно резкие апофатические отрицания неожиданно оборачиваются мощью позитивного утверждения. И всё это не только в текстах, а прежде всего в музыке: философия А.Н. Скрябина гениально отобразена в его искусстве.

Экстаз связан с "потерей сознания"²². Он восстанавливает права бессознательного? Безусловно, это потеря, но вместе с тем - и обретение: через бессознательное человек включается в Сверхсознание Бога. Это происходит уже в вечности за порогом тварного времени.

Для Скрябина была очевидна не только субъективная, но и объективная неравномерность времени. Растянутасть времени в период желаний и томлений, незамечаемость его потока при интенсивной деятельности - всё это можно отнести к области психологических иллюзий. Но другое дело космический экстаз по Скрябину: он реально означает остановку времени. Объективны и те метаморфозы времени, которые происходят при экстатическом подъёме: ход событий стремительно убыстряет свой темп. Интересное мнение! Оно имеет весьма точную параллель в новейших космологических представлениях. Вот как провидческие мысли А.Н. Скрябина передаёт Б.Ф. Шлёцер: "Процесс дифференциации по самой природе своей как бы растягивает время; в инволюции, напротив, оно стягивается, свертывается, чтобы в экстазе исчезнуть совершенно"²³. Благодаря такому сжатию времени миллионы лет могут быть пережиты как секунда. Этот парадокс вызывает естественную ассоциацию с коллапсом: очень похожие аномалии времени наблюдаются в окрестностях чёрных дыр.

Но ведь не коллапс призывает "Мистерия"! Хотя внешнее сходство тут есть, тем более что Скрябин прямо говорит: последнему экстазу будет предшествовать "... период собирания, слияния, который должен завершиться смертью"²⁴.

¹⁹ Русские пропилеи. - С. 136.

²⁰ Б.Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 248.

²¹ Русские пропилеи. - С. 170.

²² Там же. - С. 170.

²³ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 226.

²⁴ Там же. - С. 233.

Но собирание и слияние могут принять иную форму, чем коллапс, который является подчеркнём это ещё раз, падением. Ужас, а не экстаз: вот что инициируется коллапсом.

Диада А. Н. Скрябина "эволюция-инволюция" не накладывается на диаду "расширение-коллапс". Инволюция предполагает не только уплотнение времени, но еще и это главное, его обращение: свёртывание в обратной последовательности, инверсию.

Такая инверсия должна наблюдаться при пересечении светового рубежа. Следствие и причина меняются местами: из мира причинности мы попадаем в мир телеологии. Поэтому время начинает течь вспять. Вспомним, что эффект обращённого времени наблюдается в окрестностях смерти: об этом свидетельствуют многие из тех, кто вернулся оттуда благодаря реанимации или чуду. Лента жизни молниеносно прокручивается назад, дойдя до момента рождения, она обрывается: время переходит в вечность. Это тоже своего рода инволюция, пусть субъективная, частная, личная. Однако в преддверии экстаза её должна пережить вся Вселенная.

Скрябинский сценарий конца мира может показаться фантастикой. Но давайте представим, что человечество действительно оказывается в "пограничной ситуации" (К. Ясперс): вплотную приближается к предельной черте своего существования. Дальше катастрофа, дальше апокалипсис. Каким должно быть поведение разумных существ в подобный момент? Думается, что это будет ритуализированное поведение: различного рода обряды смягчат, нейтрализуют всю резкость приближающегося перехода. Очень возможно, что магическая сила этих обрядов не только психологически, но и реально повлияет на апокалипсическую атмосферу, высветляя и очищая её. Можно ли отрицать значение религиозных обрядов при проводах человека в другой мир? В нашей ситуации к таким проводам готовит себя всё человечество - "Мистерия" и является одним из возможных вариантов их ритуального оформления. Не поспешил ли Скрябин с разработкой своего проекта? Конечные сроки скрыты от нас. Что касается Скрябина, то он их постоянно отдалял: чувствовал, что в этой жизни ему не придется поставить "Мистерию". Но Скрябин верил в реинкарнации! Поэтому работу над своим грандиозным замыслом он хотел растянуть на несколько воплощений. Л. Сабанеев приводит слова Скрябина: "... дело, которое я задумываю, не покрывается одним существованием"²⁵.

Видя в подробностях грядущую "Мистерию", А.Н. Скрябин очень мало и невнятно говорил лишь об одной её части: это финал. Всё же, что ожидает исполнителей после того, как прозвучит последняя нота? Б.Ф. Шлёцер отвечает на данный вопрос в самых общих чертах, что лишь усиливает неопределённость космического эпилога: "Мистерия" должна была заканчиваться "...смертью человечества в восставшем Боге, но как произойдёт эта смерть - это сейчас зафиксировать невозможно: совершение акта воссоединения братьев в Отце должно быть предоставлено новому, преображённому человеку, его любви... Конец "Мистерии", таким образом, определится во время свершения ея"²⁶.

Крита-Йога учит: будущее поливариантно. Это относится и к последним срокам: они могут грянуть и осуществиться в разных формах. Вероятно, А. Н. Скрябин интуитивно предчувствовал эту поливариантность Апокалипсиса, поэтому эсхатология "Мистерии" лишена однозначного финализма и фатализма: конец времен здесь видится как некоторый спектр вероятий. Какое из них выберет человечество? А. Н. Скрябин не мог предугадать сокрытое от самого прозорливого взгляда. Но композитор знал: это будет свободный выбор. И ему хотелось, чтобы он был сделан в пользу бытия, точнее, пакибытия: жизни в вечности. Возможны и другие вероятия. Ведь смерть многолика: она может быть и погружением в безличную нирвану, и восхождением к личному Богу, причём то и другое способно совершиться в разных формах.

Чувствуется, что А. Н. Скрябин колебался в конечном выборе, и эти колебания отражают основную альтернативу земной культуры: путь Востока (слияние с Ничто) и путь Запада (воссоединение с Богом). Испытывая равное притяжение со стороны обеих традиций, А. Н. Скрябин нёс в себе мучительное противоречие, которое разрешил совершенно блестящим образом.

Он сделал то, к чему зовет Крита-Йога: осуществил, причём в очень смелой, неожиданной форме синтез обеих традиций. Растворение в мировом бессознательном и сосредоточение в сознании Бога: два пути, казалось бы, несовместимых, должны конвергировать в финале "Мистерии". Как это возможно? Дабы понять природу конца, нам надо выявить природу начала.

²⁵ Л. Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. - С. 289.

²⁶ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 306.

Ведь чаемый А. Н. Скрябиным финал - пусть трагический, но жизненный - уже заложен в начальном моменте. Это только одна из возможностей. Но возможность не рядовая, а в каком-то смысле выделенная: в её актуализации наиболее благодатный вариант истории.

Что же всё-таки было вначале?

Было Единое. Единое само по себе, вне соотнесения со множественностью. Именно поэтому оно есть Ничто. Но онтология Ничто парадоксальна! Если это - Ничто, из которого Бог творит мир, то оно и есть Бог, совпадает с ним. Или мы допустим дуализм Бога и Ничто, их совечное и соравное существование? Но эта конструкция настолько антиэстетична, что мы не ошибемся, сказав: она не отвечает истине.

Ничто хочет превратиться во Всё. О, неисповедимая воля к осуществлению, воплощению! Именно в ней, в этой воле тайна миропроявления манвантар. Первый импульс бытия принимает форму порыва, и этот порыв есть бифуркация: Одно-Ничто раздваивается, поляризуется, используя удачное выражение Г. Наана, на Нечто и Анти нечто.

Глубокий диалектик А. Н. Скрябин замечает: "От ничто нельзя переходить к одному, а, по крайней мере, к двойственности"²⁷. Начинается целая череда бифуркаций. Поскольку центр миротворения совпадает с "я" художника-солипсита, то результат первой бифуркации - образование фундаментальной диады "я-не-я". Но ведь искусство призвано вочеловечивать мир! То есть "не-я". А это значит, что "я" и "не-я", став амбивалентными, должны совпасть: их симбиоз - одна из целей эволюции. И Скрябин уверен, что она достижима, поэтому он в одних терминах говорит на темы антропологии и космологии. Для него это не разные науки: у них единая основа. Поэтому он убежденно делает заявление, предвосхищающее антропный принцип: "Весь мир, всю вселенную человек может построить, наблюдая и изучая самого себя"²⁸.

Различение и дифференциация очень важные понятия в словаре А. Н. Скрябина. С их помощью он описывает становление множественности, разнообразия. Постоянно возникают "новые центры" новые точки бифуркации, роста. Древо жизни ветвится, ширится. Это творческий процесс. Вот его движущая сила: "хотение нового"²⁹. По сути дела, здесь предвосхищаются новейшие представления об информационных критериях развития. Что лежит в основе информации? Накопление разнообразия, сотворение новизны. Созидая информацию, мир противостоит энтропии. Всматриваясь в космос, А.Н.Скрябин узнаёт в нём себя, творца. И это понятно: согласно художническому солипсизму композитора, мир есть его творчество.

Однако и творчество знает кризисы. Углубляя свою дифференциацию, мир может выйти за пределы некоторой меры, и это приведёт к утрате связности, целостности. А. Н. Скрябин предупреждает:

"Абсолютная дифференциация есть смешение, есть возвращение к хаосу"³⁰. И еще: "Абсолютная дифференциация есть впадение в ничто"³¹. Изолированность уровней бытия друг от друга, различные антагонизмы в живой природе, раздробленность общества - всё это негативные аспекты дифференциации, свидетельствующие о начале упадка. Нарастает чистая множественность, начало интегральности сходит на нет.

А. Н. Скрябин чётко провидел знаки конца. Интересная деталь: гибель мира художник связывает с экспансией социалистических идей, в идеале все нивелирующего равенства он чутко уловил скрытое влечение к смерти: танатофилию. Л. Сабанеев приводит такие мысли А.Н. Скрябина: "Наступит время страшной прозы, полного погружения в материальный план, полной утраты всякой духовности... Это будет век машин, электричества, которые заполняют всё, век меркантильных интересов, и это же совпадёт с торжеством социализма"³².

И всё же энтропии не суждено победить окончательно!

²⁷ Русские пропилеи. - С. 150.

²⁸ Там же. - С. 160.

²⁹ Там же. - С. 161.

³⁰ Там же. - С. 183.

³¹ Там же. - С. 187.

³² Л. Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. - С. 274.

Иначе станет невозможной постановка "Мистерии", ибо реализация скрябинского проекта мыслима лишь при том условии, что мир, несмотря на все свои кризисы, сохраняет творческий потенциал. Как сохраняет и память утраченного единства! Восстановить это единство призвана "Мистерия".

Но в какой форме должно быть обретено чаемое единство?

Первоначально А. Н. Скрябин мечтал о постановке "Мистерии" в Индии. Несомненно, что и категория единства мыслилась им тогда в духе индийской традиции: как Ничто Пустота Шуньята Нирвана. "Мистерия" была ориентирована на развоплощение и мира, и человека. Однако эта цель, считавшаяся конечной, оказалась промежуточной: сквозь Ничто Скрябину пробрезжил лик воскрешённого Бога.

И это ново, принципиально ново! Это уже Крита-Йога: совмещение восточного и западного пути, их слияние в недрах Святой Троицы.

Что ищет мистагог, погружающийся в Ничто? Полноты забвения, полноты небытия. Но это только асимптоты! Небытие относительно, бытие абсолютно. Тайнственные законы сохранения, действующие и на проявленных, и на трансцендентных планах, делают невозможным полное стирание как мировой, так и личной памяти. Вот почему нельзя уйти окончательно от себя и мира: погружение в Ничто имеет некоторый предел, границу. Возле этой границы возникает ощущение нерушимого покоя. Вот оно, искомое блаженство! Что ж, можно удовлетвориться им, но избранные дерзают пересечь границу. И вот здесь происходит своего рода дискретный скачок: Ничто обнаруживает свою глубинную природу, открывается как пространство божественного мышления.

Уход в безличную Нирвану выводит к личному Богу! Первым это открыл Будда. Ныне он проповедует христианство на планетах Метагалактики. Первым европейцем, которого индийский путь привел к Христу, был А.Н. Скрябин, несколько позже аналогичный синтез осуществили очень близкие ему Е.И. и Н.К. Рерихи.

Необходимо различать понятия Единства и Всеединства: если Единство может быть однородным, то Всеединство предполагает наличие внутри себя некоторой множественности. Это Единство в разнообразии, организованное по законам соборности: элементы здесь связаны нераздельно и неслиянно. Можно сказать, что А. Н. Скрябин шел от Единства к Всеединству: первое - это начало мира, второе - его оптимальный конец. Эволюция художника, опережая время, как бы предвляла эволюцию мира намечала траекторию для неё.

Идеалу Всеединства соответствует идеал Все искусства: в этом понятии для А.Н. Скрябина программа художественного синтеза, который осуществится во время исполнения "Мистерии". Её эстетическое воздействие должно быть направлено на все органы чувств. На все без исключения! Все искусство поможет рождению Все человека.

Преображение вместо праляй!

Вот истинная цель "Мистерии". Об этом говорит Б.Ф. Шлёцер: "Цель её сделать прекрасным мир в целом, одарить его эстетической ценностью, обратив его в одно создание искусства и, таким образом, преобразив до конца"³³. Назначение всех мистерий - не апология, а преодоление смерти. В "Мистерии" Скрябина эта установка связана с Преображением всего мира. И здесь А.Н. Скрябин вполне солидарен с христианством.

Дабы воскреснуть в вечности, человек должен умереть во времени. Таков непреложный закон бытия. Исполнителям "Мистерии" суждено умереть. Ибо нельзя пересечь световой рубеж в физическом теле. Отсюда трагизм Апокалипсиса. И трагизм "Мистерии": в её финале торжествует Танатос. Но это преходящее торжество: смерть пожнёт в последний раз.

Передавая содержание философских бесед со Скрябиным, Б.Ф. Шлёцер пишет: "История начинается со смертью Бога и с рождением человека и кончается со смертью человека и с возрождением Единого"³⁴. И ещё: человек призван "...воскресить своею смертью Бога. Этот акт литургический и есть мистерия"³⁵.

³³ Б. Ф. Шлёцер. Скрябин. - С. 293.

³⁴ Там же. - С. 242.

³⁵ Там же. - С. 250.

Согласно Скрябину человек воскрешает, по сути рождает Бога. Вот одна из самых смелых и радикальных идей в мировой философии. Содержание «Мистерии» — это еще и теогония: сотворение Бога. Точнее, Богочеловечества той соборной личности, о которой мечтал Скрябин. Всеединство находит и утверждает себя через Богочеловечество.

Всеединство максималистично. Оно только тогда Всеединство, когда, преображается весь мир без каких-либо изъятий. Если в мире остаётся Ад с его вечными муками, то это значит, что зло не одолено до конца, а потому и Всеединство не достигнуто. Дабы оно превратилось в реальность, Люцифер должен вернуться к Богу, первым на это стал уповать Ориген; весомую лепту в обращение падших ангелов внесли Е. П. Блаватская и Е. И. и Н.К. Рерихи. Скрябин не стоял в стороне от этого потаённого, истинно эзотерического процесса. Он думал о том, как изжить мировое зло. И он знал: единственно верный способ здесь - коренное изменение самой природы зла, его преображение, претворение в добро. А как это сделать, не ассимилировав зло в себя, дабы пронзить и высветить лучом своего духа? Опасный, но благородный в своей жертвенности путь! Встав на него, А.Н. Скрябин дал повод для обвинений в сатанизме и демонизме, однако это поверхностные инвективы. Прав И.И. Лапшин, утверждая следующее: "Равным образом и демонизм у Скрябина есть момент, подлежащий преодолению, он объективирует это тёмное начало, стремясь от него очиститься"³⁶. Скрябин был убеждён: в огне "Мистерии" сгорит всё зло мира.

Философия Скрябина отмечена печатью самобытности. Она вне аналогий. И всё же мы хотим указать на сочинение, весьма созвучное идеям композитора, - это "Эврика" Э. По. Читал ли её Скрябин в переводе К. Бальмонта, своего любимого поэта? "Эврика" пророчествует: Бог, рассеянный в творении, возродится вновь, и произойдёт это после того, как вещество мира снова стянется в начальную точку. Э. По описывает коллапс? Фактически да. Хотя А. Н. Скрябин иначе мыслил конец Вселенной, но он мог бы повторить слова Э. По: "Мириады личных Разумов ... сольются в Одно"³⁷. Но теперь мы вправе уточнить: это будет неслиянное соединение в отличие от сингулярности, сверхсветовая реальность сближает явления так, что они сохраняют свои неповторимые черты. Будем помнить: важнейший фактор мировой эволюции у Скрябина - это прогрессирующая индивидуализация явлений. Преображение не гасит эту тенденцию, а поднимает её на новый уровень: мир после "Мистерии" апофеоз личностного начала. Энтропийное усреднение, обезличивание преодолено навсегда. Как преодолена и сила разрыва, изоляции, атомизации. Гармония нераздельного и неслиянного, явленная нам в Святой Троице, организует жизнь Всеединого. Именно эту гармонию призывает в преображенный мир "Мистерия" А. Н. Скрябина. Поэт Георгий Иванов писал о смерти: "И душа провалится в сиянье Катастрофы или торжества". Вместо разделительного "или" Скрябин поставил бы здесь соединительное "и". Разве апокалипсическая катастрофа не должна обернуться торжеством бессмертия? Благодаря орфической силе искусства переход в вечность может быть предельно смягчён и облагорожен. А.Н.Скрябин говорит: люди проснутся в новом небе. Просто проснутся. Столь плавное, органичное Преображение может произойти только в красоте и через красоту. Её-то и аккумулирует в себе "Мистерия".

Синергетика показывает: относительно слабый сигнал способен сыграть роль аттрактора, подчиняющего себе космически масштабные процессы. Почему бы не представить в роли такого аттрактора произведение искусства? Например, скрябинскую "Мистерию"? Нет никакой утопии в том, что она, создавая определённую систему вибраций, может существенно повлиять на конечные стадии космической эволюции. Орфизм находит полное объяснение и оправдание в контексте синергетических идей. Красота действительно призвана спасти мир от небытия.

И это не благодушное мечтание, а точная формула, которую Скрябин примерил ко всему космосу. Правомерность такой экстраполяции не вызывает сомнений.

³⁶ И. И. Лапшин. Последние думы Скрябина. - С.29.

³⁷ Э. По. Собр. соч.: Т.5, - М., 1912. - С. 244.